

ИДЕЯ ГУМАНИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX СТОЛЕТИЯ)

Кузьмина С. Л., ассистент

Проблема гуманизма стоит сейчас с особой остротой для педагогики. Как полагают, ее разрешение раскроет новые перспективы воспитания и образования [1].

Но сама по себе эта идея вовсе не нова. Особенно активно она начала циркулировать в европейском педагогическом сознании в XIX ст., определяя взгляды многих ученых на различные феномены воспитания.

Н. И. Пирогов впервые обратил внимание на подмену в общественной практике нравственно-религиозного содержания воспитания специально-утилитарным, что уродовало духовный мир ребенка, ограничивало свободу его развития ("Вопросы жизни", "Быть и казаться"). К. Д. Ушинский, осмысливая значение творчества Н. И. Пирогова, стремится найти вместе с ним условия истинно человеческого воспитания. Он высказывает мнение, что только христианство с его требованием исполнения заповеди любви, через осуществление нравственной свободы, способно внести гуманное содержание в процесс становления личности. Но отечественные корифеи, рассмотрев некоторые аспекты идеи гуманизма в педагогике, не предприняли попытки ее целостного изучения.

Критически осмыслить эту идею и ее значение для воспитания взялся П. Юркевич, выдающийся отечественный философ и педагог (1826-1874).

Итак, в центре комплекса гуманистических идей – человек как высшая ценность.

П. Юркевич обращает внимание на мнение Гербарта, который не советовал употреблять идею гуманности из-за ее неопределенности в логическом отношении: человек здесь выступает критерием для самого себя. П. Юркевич отмечает, что понятие гуманности содержит непримиримые стремления: оправдать любые проявления человечности и найти ее "незыблемые черты", которые отражают общечеловеческую цель жизни.

Это противоречие возникло, когда Руссо попытался создать свой педагогический идеал, определив повторяющиеся в истории качества "человека натурального". Новаторство его состояло в том, что он предложил принципиально новый способ поиска идеала: с помощью разума. До этого не существовало сомнения, что он открывается через веру.

Идеал Руссо критиковался неоднократно, указывалось и на фактический отказ от него в процессе воспитания, но этот подход был усвоен. Таким же образом построен педагогический идеал в рационалистическом варианте науки о воспитании, для которой истинную человечность составляет полная сознательность. Отсюда, для правильного развития духовной жизни личности мышление должно стать главным предметом забот воспитания.

Насколько гуманна педагогика, отыскивающая свой идеал спекулятивным путем? Заменяя воспитание обучением, она перестает видеть, игнорирует важнейшие стороны жизни ребенка, не поддерживая его энергию и творческие силы.

Раскрыв это заблуждение, П. Юркевич решает вопрос однозначно: принятие христианского идеала способствует продуктивной работе педагогического сознания. Во-первых, потому, что он отвечает требованиям, предъявляемым критерию: быть неизменным, самому себе равным и отделенным от человека. Во-вторых, потому, что естественен и имеет в виду цельность, полноту жизни личности. В-третьих, христианский идеал дает надежду на его достижимость через благодать Крестной Жертвы и воспитание.

Несмотря на разницу идеалов, христианская и гуманная педагогики ставят для себя одну задачу: воссоединение свободы и добра в душе ребенка. Чей способ ее решения гуманнее, П. Юркевич предлагает рассмотреть на примере проблемы воспитательных отношений.

В этом смысле концептуальное значение имеет понимание свободы. Абстрактный гуманизм Руссо и его последователей знает только одно ее измерение: формальное, в котором он находит "свободу выбора", что не гарантирует выбора добра и решения поставленной задачи.

Христианский гуманизм, не отказываясь от этой формы, предполагает наполнить ее метафизическим содержанием. В нем вопрос о свободе абсурден вне учения о сотворении, грехопадении и Спасении человечества. В таком контексте следование воле Бога, который есть Любовь и Благо, является свободой. Как отмечает Вл. Лосский, тут нет принуждения: человек может принять или отвергнуть волю Бога. Исполняя ее, он остается свободным, совершенствуясь в добре, как существо, предназначенное к этому, и, значит, желающее этого (разве свободен человек, делающий то, что он не хочет, от чего он будет страдать?). Тем не менее, оно не упразднило "вечный принцип" духа: естественное стремление к добру. Он перестал быть открытым человеку непосредственно, существует только способность объективного отношения к эмпирическим состояниям поврежденной природы. И теперь, для того, чтобы осуществить добро, личность должна овладеть своими стремлениями и желаниями, но она осознает эту природу как свою и ей нужна помощь в различении качеств своих проявлений.

Любя ребенка, педагог-гуманист хочет предоставить ему свободу. Но приведет ли это к добру? Христианский педагог стремится привести ребенка к добру. Но каков путь к нему? Нет ли здесь опасности насилия, принуждения.

Ключевым в этой проблеме является представление о том, что в духе человека является средоточием нравственности. У Руссо поставленные вопросы решены в исходных посылах его воспитательной теории: в природе ребенка нет зла.

Кант не соглашается с такой односторонностью в подходах. Он видит седалищем нравственности в человеке разум. Поэтому у Канта мы встречаем: "...по природе своей человек существо вовсе не моральное; он лишь становится таковым, когда его разум поднимается до понятия обязанности и закона" [2, с.68].

Православный философ П. Юркевич задумывается: нравственная жизнь личности протекает в разуме, но в нем ли находится и ее источник? Для философа несомненно, что нравственная деятельность – не только холодные счисления ума, но и теплые волны чувства, в стихии которых живет ребенок, прежде чем он вступит на палубу корабля, курс которого пролагает разум.

Отсюда источник нравственности – сердце, или глубочайшее существо духа, которое в своем непосредственном виде есть любовь к добру [3, с.101]. Поэтому, по П. Юркевичу, ребенок – существо моральное, ему врождены не мысли, но влечения и стремления к нравственной деятельности.

Исходя из этих понятий решается очень важный вопрос: что сотворяет педагогическую атмосферу (т.е. побуждает ребенка к добровольному послушанию, подчинению, чем он как бы признает законность своих отношений с воспитателем), насколько присутствует психологическая свобода в ней, а также, как воспитатель ведет питомца к нравственной свободе.

Руссо не видит этих проблем, но интуитивно приближается к ним. Его Жан-Жак, не желая создать никакой педагогической атмосферы, все же создает ее, изолируя Эмиля от влияний культуры, в этой искусственной среде должна, по его мнению, быть обеспечена психологическая свобода для Эмиля, что станет залогом его нравственности.

В Кантовой педагогике воспитательную атмосферу сотворяет разум, его авторитет. Оттого он замечает: "Одна из труднейших проблем воспитания заключается в том, как соединить подчинение *законному принуждению* с способностью пользоваться своей свободой" [2, с.33]. Для Канта эти вещи оказались несоединимыми: сначала – послушание, исходящее из принуждения и лишь затем послушание на основе признания за разумную и благую воли родителя [2, с.68]. Также и Гербарт, отдав разуму приоритет в воспитании, должен разделить его процесс на два этапа: управление детьми и их непосредственное воспитание. Итак, разум, как воспитательная сила, неспособен с самого начала обеспечить психологическую свободу воспитаннику.

П. Юркевич в своей педагогической теории не отказывается от признания за разумом воспитательных возможностей. Однако разум – вторая сила воспитания и действует он, когда приходит его время: воспитанник развивает мыслительную способность аналогии. Первая же сила – любовь. Она привносит в воспитательную среду дух свободы, вызывая детскую любовь-ответ, которая побуждает на самопожертвование – послушание (первый опыт нравственной свободы). Юркевич подчеркивает, что именно любовь помогает соединить ограничительный и развивающий

моменты в воспитании. Сохранение воспитанника в ровном, нераздраженном состоянии (заповедь ап. Павла: "не раздражайте чад своих") способствует преобразованию любви-ответа в самостоятельную, творческую любовь, т.к. состоянии, свободном от тревог, ребенок имеет возможность научиться смотреть на себя, как на постороннее лицо и мерить себя одной мерой с ним (заповедь "возлюби ближнего как самого себя"). Вместе с этим, основываясь на авторитете разума, воспитатель помогает питомцу укрепить и развить естественные стремления выработать правила для своих действий. Любовь обеспечивает психологическую свободу в воспитательной атмосфере, а разум поддерживает ребенка в его стремлении правильно овладеть ею. Вместе они создают условия для движения к нравственной свободе [4].

Как видим, такой, по глубинной сути своей гуманистический, подход мог возникнуть только в православном сознании. Отделив воспитание от Бога, Руссо вообще не заметил необходимости личностной связи в воспитании. Поэтому его натуральная педагогическая среда так ненатуральна. Не зря П. Юркевич называет Жан-Жака олицетворенным воспитательным домом. Рационализм же не увидел характера этой связи – любви. Оттого непреодолимой оказалась трудность сочетания психологической и нравственной свободы в педагогической атмосфере, в которую сразу же вошло насилие, принуждение, что трудно признать гуманным. Рационалистическая педагогика хочет обуздать, культивировать грубые проявления человека, в то время как православная – просветить и дать ему силы к совершенствованию.

Таким образом, в противоположность установке гуманизма: любви человека и это обеспечит истинно человеческое воспитание, П. Юркевич выделяет "единичный принцип человечности": "Бойся Бога и соблюдай заповеди Его, потому что в этом состоит весь человек (Еккл.,12,3)" [5, с.21]. "Бойся Бога" – этическое, а не психологическое понятие, которое обозначает состояние любви: боязнь оскорбить и обидеть. П. Юркевич предлагает созидать воспитание через любовь к Богу. Это не идеологема, но теоретический принцип, способствующий плодотворности педагогического мышления, что, мы надеемся, удалось показать.

Итак, в отечественной педагогике второй половины XIX в. обнаружили отличные от западноевропейских подходы о проблеме гуманизма, определившиеся особенностями национального мировосприятия и самоосознания. Для последних религиозные убеждения явились стимулом и центром, вокруг которого движется мысль.

В современной украинской педагогике сформулирована задача соединения общечеловеческих и национальных смыслов в воспитании, что влечет за собой разработку тем идеала и свободы (Вишневский О., Мартынюк И. В., Москалец В. П., Бех И., Балл Г. О.). В связи с этим необходима глубокая этническая рефлексия. История педагогики дает для нее богатый материал.

Кажется, что мы стоим в начале пути. На самом деле часть его уже пройдена и двигаться будет легче, если востребовать опыт предшественников.

Литература.

1. Крылова Н. В., Газман О. С., Вейсс Р. М. Новые ценности образования: содержание гуманистического образования. - М. -1995.
2. Иммануил Кант о педагогике (пер. С. Любомудрова) -М. -1896.
3. Юркевич П. Д. Философские произведения. -М. -1991.
4. Национальная библиотека им. В. И. Вернадского. Институт рукописей. - ф. Д.А. №354Л, рук.1.
5. Юркевич П. Д. Курс общей педагогики с приложениями. - М. -1969.